

Конфликты интересов государственных и/или муниципальных служащих в условиях сетевой экономики*

Conflicts of Interest of Government and/or Municipal Employees in a Networked Economy

М. СТРЕЛЬЦОВ, С. ПАЩЕНКО

Стрельцов Максим Александрович, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогового регулирования Уфимского университета науки и технологий. E-mail: maxim-ugatu@yandex.ru

Пашенко Светлана Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогового регулирования Уфимского университета науки и технологий

По мере развития сетевой экономики в России среди муниципальных и государственных служащих возникают конфликты интересов. Наличие сетевого блага способно как способствовать возникновению таких конфликтов, так и ограничивать их. Поэтому актуальной является следующая цель исследования: способна ли сетевая экономика защитить себя от данного рода конфликтов или для этого требуются дополнительные меры.

Методологическую базу исследования составляют системный и сетевой подход. В ходе исследования оказалось, что на фоне развития сетевой экономики в России происходит снижение числа выявленных правонарушений, связанных с конфликтами интересов среди чиновников.

Ключевые слова: сеть, экономика, муниципальный, государственный, служащий, чиновник, сетевое благо, конфликт, интерес, коррупция.

Along with the development of the network economy in Russia, conflicts of interest arise among municipal and government employees. The presence of network benefits can both condone and limit such conflicts. Therefore, the following research objective is relevant: is the network economy able to protect itself from this kind of conflict, or does it require additional measures? The methodological basis of the research consists of a systematic and network approach. In the course of the study, it turned out that against the background of the development of the network economy in Russia, there is a decrease in the number of detected offenses. related to conflicts of interest among officials.

Key words: network, economy, municipal, state, employee, official, network benefit, conflict, interest, corruption.

Основные положения

1. В России развивается сетевая экономика, в том числе в результате помощи со стороны государства.
2. В России происходит снижение числа выявленных правонарушений, связанных с конфликтами интересов среди государственных и/или муниципальных служащих (чиновников).
3. Сетевая экономика способна оказывать благоприятное воздействие на российских чиновников, способствуя снижению числа конфликтов интересов.

Введение

Современная российская экономика характеризуется масштабным развитием цифровых платформ, что, в свою очередь, дало возможность использования цифровых технологий практически в каждой сфере – не только в народном хозяйстве, но и в политической, социальной, общественной и даже личной жизни. Это, в частности, автоматизация, снижение издержек промышленно-производственных, финансовых, административно-управленческих процессов. Это и облегчение доступа к информации для физических и юридических лиц, существенное

* Ссылка на статью: Стрельцов М.А., Пашенко С.Н. Конфликты интересов государственных и/или муниципальных служащих в условиях сетевой экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 2. С. 120–127. DOI: 10.34773/EU.2025.2.20.

расширение объема и полноты информации по сравнению с «досетевыми» временами. Это, наконец, современные социальные сети, дистанционно оказываемые госуслуги и другие многочисленные аспекты. Можно говорить уже не только о становлении, а о ставшем привычным функционировании сетевой экономики, подразумевающей под собой возможность ее субъектов взаимодействовать друг с другом при помощи сетевых технологий, т.е. – сетевое благо.

«Сетевая экономика – совокупность экономических отношений, основанных на всеобщей доступности сетевого блага и использовании передовых информационно-коммуникационных технологий при организации рыночных взаимодействий» [14]. Это – «новый тип экономической среды, отличительной особенностью которой является высокая включенность информации» [15]. Под «сетевым благом» нами понимается возможность обмена информацией в сети Интернет между субъектами экономических отношений. Помимо этого определения, исследователи употребляют и такие термины, как, например, «экономика прямых равноправных связей» или «кластеры» [14].

При этом современный этап развития финансово-экономических отношений в России характеризуется возрастанием роли руководителей, чиновников (бюрократии) – государственных и муниципальных служащих. Это связано как с внутренними, так и внешними экономикополитическими причинами. А там, где присутствует бюрократия, могут, по крайней мере, теоретически, возникать так называемые конфликты интересов. Это – ситуации, когда некоторые чиновники, злоупотребляя своим должностным положением и полномочиями, приводят к коррупции, что в результате может нанести ущерб для страны, в частности, для ее экономики и населения. В экономической теории подобные конфликты принято относить к провалам государства.

В определенные годы (2019–2021 гг.) в Российской Федерации присутствовала тенденция некоторого роста числа выявленных коррупционных нарушений, связанных с конфликтами интересов. Т.е., с одной стороны, имеется широкомасштабное внедрение и дальнейшее развитие сетевой экономики в нашей стране. С другой стороны, имеются многочисленные ситуации конфликтов интересов у чиновников (государственных и муниципальных служащих). И пока нет гарантии, что такие ситуации не будут продуцироваться вновь. В определенной мере их возникновению может способствовать, в том числе, и широкое распространение сетевых благ. Поэтому становится дискуссионным вопрос, способствует ли развитие сетевой экономики, распространение сетевого блага снижению числа и уровня конфликтов интересов? Обладает ли сетевая экономика какими-либо защитными механизмами, ограничивающими или даже способными ликвидировать конфликты интересов между государственными и/или муниципальными служащими? Или, напротив, по мере развития сетевой экономики такие конфликты будут все более учащаться, разгораться с новой силой? В связи с этим тема настоящей работы представляется весьма актуальной.

Среди источников, относящихся к научной литературе, не удалось обнаружить полноценного исследования по данной проблеме, отвечающего на поставленные вопросы. Вместе с тем, имеется ряд публикаций как по сетевой экономике [3; 5; 9; 10–12; 15], так и вопросам, касающимся конфликтов интересов, в том числе в современных условиях, связанных с внедрением цифровых платформ [6–8; 13; 14; 16; 17].

Методы

В качестве методологии настоящей работы использовались следующие методы: справочно-библиографический, методы общелогического анализа и сопоставления, критический, оценочный, метод анализа нормативно-правовой базы, метод конкретизации.

Результаты

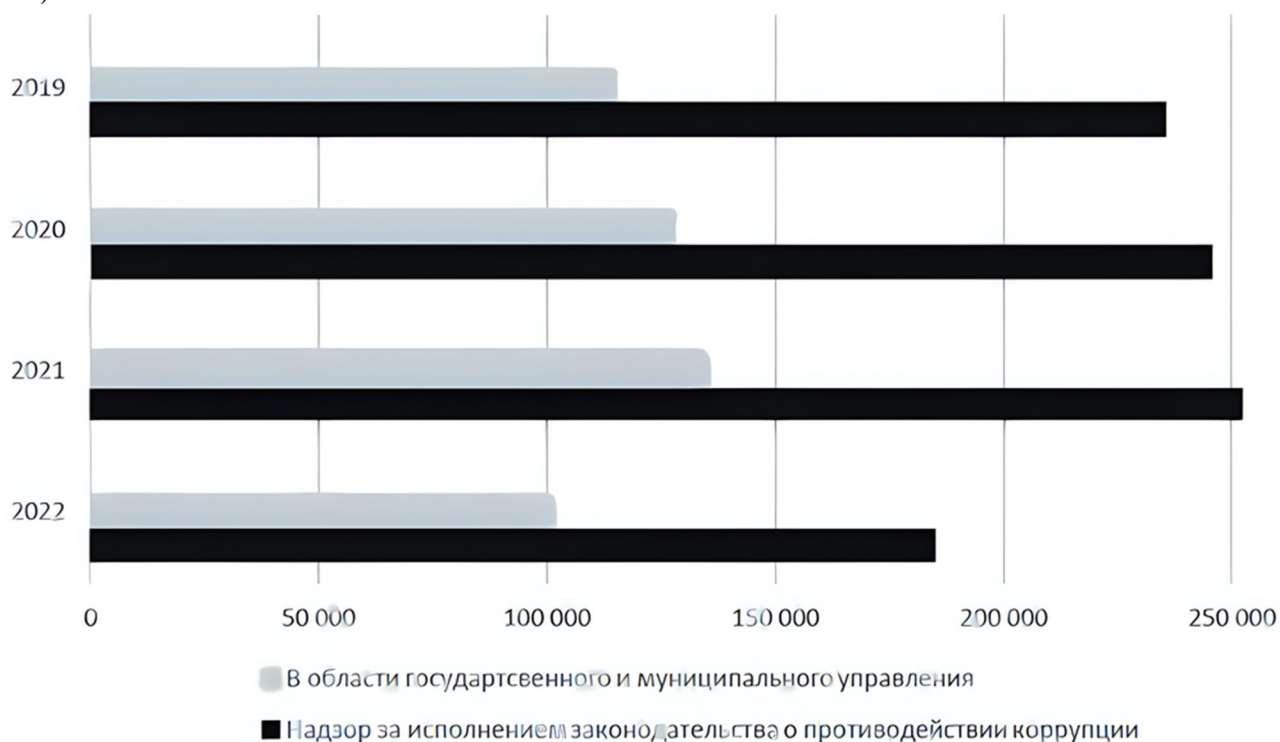
Конфликт интересов государственного или муниципального служащего, применительно к экономическим условиям Российской Федерации – это ситуация, когда служащий, основываясь на имеющихся у него властных полномочиях, профессиональных возможностях и связях,

ненадлежащим образом выполняет (или может выполнять) свои обязанности, исходя из своих личных интересов. И если при этом возникает противоречие между его заинтересованностью и охраняемыми законом правами, интересами физических и/или юридических лиц, то оно способно нанести им ущерб.

Надо сказать, что впервые понятие «конфликт интересов» в российском законодательстве было обозначено официально в законодательстве относительно недавно, например, в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ст. 3) [17] и некоторых других законах. Исходя из ч.1 ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ [18], конфликт интересов характеризует ситуацию, когда личная заинтересованность государственного гражданского служащего негативно влияет или может повлиять на надлежащее выполнение им должностных обязанностей. И когда такая ситуация являет собой источник противоречия, ущерба законным интересам общества, граждан и иных лиц.

Исследователи утверждают, что причинами конфликтов интересов (российских) чиновников являются не только их корысть и личная заинтересованность, но и нехватка профессиональных компетенций, в том числе в части менеджмента и коммуникаций [4; 6; 8]. Это касается и межличностных конфликтов чиновников с руководством, коллегами, а также иными лицами, например, в порядке бесед даже на не относящиеся к их профессиональной деятельности темы.

По мнению ученых, за 2019–2022 гг. количество зафиксированных в РФ коррупционных правонарушений, основанных на конфликтах интересов, выросло на 49 931, или на 27 % (рисунок).

Количество коррупционных правонарушений, выявленных Прокуратурой РФ в период 2019–2022 гг.

В 2021 г. число раскрытых дел о коррупции составило 245760, из которых нарушений законов по причине конфликта интересов – 127516. Сообщается, что «при этом 447 гражданских служащих были уволены со службы и 58 тыс. чел. были привлечены к дисциплинарной ответственности» [3]. В 2022 г. «число раскрытых дел уменьшилось по сравнению с 2021 г. на 10 772 или на 10 %». По информации от генерального прокурора России, в 2023 г. «почти 50 тысяч должностных лиц по актам прокурорского реагирования привлечены к дисциплинарной

ответственности, более 500 – уволены в связи с утратой доверия» [2]. В 2024 г. число подобных выявленных правонарушений стало еще ниже [6]. Таким образом, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения числа ситуаций, связанных с конфликтом интересов чиновников.

Если верить официальной статистике и допускать, что раскрываемость подобных правонарушений в течение 2019–2024 гг. сохранялась приблизительно на одном и том же уровне (или по крайней мере не снижалась), то приведенные выше данные могут свидетельствовать о снижении числа конфликтов интересов в России в течение указанного периода времени.

Предположение о том, что степень раскрываемости коррупционных преступлений в течение 2019–2024 гг. по крайней мере не снижалась, может подтверждаться, в частности, тем фактом, что был принят ряд нормативно-правовых актов, касающихся усиления качества проверок (в том числе, прокурорских проверок) работы российских чиновников. Президентом России обращалось неоднократное внимание на необходимость борьбы с коррупцией. Центральные СМИ уделяют коррупции пристальное внимание. Следовательно, можно говорить о снижении числа коррупционных правонарушений в России, в том числе связанных с конфликтами интересов.

Зададимся вопросом: может ли подобная (благоприятная) тенденция быть связанной с развитием сетевой экономики, если не прямым, то хотя бы косвенным образом? Может ли развитие сетевой экономики, распространение сетевого блага способствовать снижению числа и уровня конфликтов интересов среди российских чиновников? Следует отметить, что в указанные годы реализовывался проект «Цифровая экономика». Несмотря на то, что данный проект был выполнен не в полной мере, в результате его реализации было достигнуто широкое распространение сетевых благ в пределах Российской Федерации. Сетевая экономика развивалась достаточно интенсивно [8]. Проводилось обучение детей, молодежи цифровым технологиям; было запущено множество цифровых ресурсов и онлайн-сервисов, в том числе для школьников и преподавателей; к сети Интернет подключено «почти 18 тыс. социально значимых объектов: школ, фельдшерско-акушерских пунктов, пожарных частей; произошел активный рост популярности и посещаемости портала госуслуг» [11].

Важно при этом, что наряду с факторами «спрос – предложение» и, соответственно, «цена – качество», в сетевой экономике появляются еще дополнительные, не столь часто используемые в классической экономике обмена факторы, как «ориентированность на знания», «доверие», «отношенческое поведение» и, самое главное, возможности снижения транзакционных издержек [14]. Причина появления факторов типа «доверие» основана на том, что сеть – это добровольное объединение экономических субъектов, которые вполне могли бы обойтись без такого объединения, но оно их привлекает в том числе по причине снижения транзакционных издержек. Именно поэтому сетевая экономика не может быть внедрена путем применения директивных мер административно-волеаристского характера. По мнению профессора Фукуямы и ряда других исследователей, «недостаток доверия может быть лишь смягчен государственным регулированием, но не компенсирован» [15]. Именно доверие формирует базу, фундамент для объединения экономических субъектов в сеть и, тем самым, создает условия для развития сетевой экономики. Поэтому государство, для целей роста ее эффективности, повышает ее как объективную, так субъективную привлекательность для субъектов экономики. И создает такие нормативно-правовые акты, формирует такие институты, которые способствуют (должны способствовать) росту доверия.

Вышесказанное подтверждает довод о том, что государство и в самом деле активно участвует в развитии сетевой экономики, только делает это в большой степени не директивно (как это осуществляется в рамках классической экономики), а путем применения «мягкой силы». Как правило, именно тогда мероприятия по внедрению сетевой экономики оказываются эффективными. Таким образом, деятельность (российского) государства в целях развития сетевой экономики далеко не ограничивается только финансированием и формулированием соответствующих норм права.

С другой стороны, и сетевая экономика оказывает большое влияние на функционирование и развитие государства, в том числе в Российской Федерации. Так, исследователи отмечают, что огромную роль в формировании нравственных основ поведения чиновников играют этические нормы [4; 13]. В том числе, конечно же, речь идет и о подверженности чиновников конфликтам интересов, их склонности к злоупотреблениям в рамках таких конфликтов. А ведь, как отмечалось выше, одним из условий масштабного и эффективного функционирования сетевой экономики является наличие таких факторов, как «доверие», «честность» и т.п. Это означает, что, если чиновники осуществляют свою профессиональную деятельность в условиях сетевой экономики, они будут вынуждены «зарабатывать» для себя доверие, должны будут заслужить доверительное отношение со стороны других взаимодействующих с ними экономических субъектов – в отличие от классической экономики, где бывает достаточно просто административного распоряжения или указания. Ибо, повторимся, эффективная сетевая экономика не может быть основана на директивных началах.

Кроме того, сетевая экономика, в силу высокой скорости обмена информацией и гораздо большей, по сравнению с классической экономикой, прозрачностью профессиональной деятельности чиновников, оставляет им меньше шансов скрывать свои злоупотребления. А это, в свою очередь, является залогом снижения их числа, в том числе, и в ситуациях конфликтов интересов. При этом чиновники вынуждены становиться более компетентными (по крайней мере, в области информатизации и сетевого взаимодействия), приобретать больше знаний – для того, чтобы обеспечить экономическую безопасность функционирования сетевой экономики, т.е., в частности, безопасность собственной профессиональной деятельности [3].

Только что сказанное означает, как бы это парадоксально ни звучало, что чиновники вынуждены становиться более нравственными под воздействием сетевой экономики. Причем, нравственное – именно в вопросах, связанных с взаимодействием с другими субъектами экономических отношений, т.е., в том числе, в своей профессиональной деятельности. Отметим, что, возможно, в личных, субъективных взаимоотношениях соответствующие качества чиновников вовсе необязательно будут подвержены подобному «исправляющему» влиянию сетевой экономики. Впрочем, вероятно, определенная степень влияния все же будет наблюдаться, но это уже выходит за рамки темы настоящей работы.

Отдельный вопрос – о средствах медиа, роль которых в сетевой экономике на многие порядки выше по сравнению с экономикой традиционной (классической) [9; 11]. В условиях широкого распространения сетевого блага средства медиа способны быстро и эффективно донести до общества информацию о злоупотреблениях чиновников, что, в свою очередь, стимулирует их к тому, чтобы ограничить или вовсе ликвидировать злоупотребления, в том числе, возникающие в результате конфликтов интересов.

Наконец, отход от традиционной формы управления и переход в сетевую, в рамках сетевой экономики, дает высокую экономическую эффективность и уже по этой причине является привлекательной для чиновников, которые, посредством обоснованного внедрения сетевых методов и способов в своей профессиональной деятельности, могут добиться гораздо больших результатов. Поэтому они, как правило, склонны поддерживать методологию сетевой экономики даже, быть может, при наличии некоторого сопротивления новым технологиям в силу опасения новизны и инноваций. А это, в свою очередь, обеспечивает дополнительное стимулирование развития сетевой экономики по принципу обратной связи (со стороны чиновников).

Обсуждение

Таким образом, можно сделать вывод, что сетевая экономика и в самом деле оказывает достаточно существенное влияние на чиновников – тех лиц, которые, в целом, сами же ее и внедряют. То есть процесс внедрения, развития и корректировки сетевой экономики в условиях государства носит диалектический характер. При этом сами же чиновники создают нормативную базу для реализации сетевой экономики, равно как и реализуют иные необходимые для нее условия.

Иными словами, как видно, процесс внедрения и развития сетевой экономики, с одной стороны, и профессиональной деятельности чиновников (государственных и муниципальных служащих) – с другой, находятся в диалектическом взаимодействии, взаимно дополняя и поддерживая друг друга. Чиновникам выгодна и удобна сетевая экономика; она способна оказывать на них определенное нравственное воздействие. Однако и сетевой экономике требуются чиновники, ибо сама она, без надлежащей нормативно-правовой базы, государственного финансирования и соответствующих политико-общественных институтов, неспособна, в общем случае, сдерживать злоупотребления со стороны чиновников, в том числе, и в отношении конфликтов их интересов. Это – теоретические выводы.

При этом, как показывает практика последних лет, на фоне роста и интенсификации сетевой экономики России, происходит снижение числа (выявленных) случаев конфликтов интересов чиновников. Это – результаты, известные из практики. Если же и теория, и практика свидетельствуют об одном и том же, то, на наш взгляд, возможно сделать обобщающий вывод: развитие сетевой экономики в России и снижение числа конфликтов интересов со стороны чиновников и в самом деле находятся в определенной взаимосвязи друг с другом. То есть, по всей видимости, эффективное развитие сетевой экономики и в самом деле способствует снижению числа конфликтов интересов среди российских чиновников.

Вместе с тем, конечно, надо отметить, что институт предупреждения конфликта интересов следовало бы доработать, с учетом условий и возможностей, даваемых сетевой экономикой. Например, в плоскости обеспечения анонимности информирования со стороны конкретного чиновника об имеющемся конфликте интересов. Также надлежало бы реализовать более продвинутую и эффективную (конфиденциальную, при необходимости) коммуникацию даже рядового чиновника с органами власти, вплоть до высших. Наконец, необходимо каким-то образом продумать и предусмотреть вопрос безопасности чиновника в случае, если станет известно о его конфликте интересов. С одной стороны, это позволило бы, на наш взгляд, повысить уровень раскрываемости конфликтов интересов и, как следствие, привело бы к дополнительному снижению их числа. Ибо сетевые технологии способны если не создать антикоррупционную среду, то, по крайней мере, могут являться эффективным сдерживающим фактором для злоупотреблений чиновников. Это – следствие высокой скорости передачи информации, открытости, прозрачности, что обеспечивается наличием сетевого блага. С другой стороны, современные технологии сетевой экономики, например, искусственный интеллект и социальные сети (посредством «цифровых отпечатков» в них), позволили бы усилить существующие механизмы поиска возможных конфликтов интересов. Ибо на базе этого гораздо легче выполнить поиск подозрительных (в плане коррупции) лиц, их финансовых транзакций, родственных связей и пр. – с последующим информированием правоохранительных органов и/или руководства конкретных чиновников. Чиновники, зная об этом, будут стремиться устранять ситуации, связанные с конфликтами интересов.

Наконец, следовало бы усовершенствовать имеющийся механизм предотвращения и урегулирования конфликта интересов. В настоящее время в России субъектом, реализующим действие данного механизма, является руководитель соответствующего подразделения государственной или муниципальной службы. Случаи самоотводов среди чиновников не столь часты. Поэтому законодатель мог бы расширить число таких субъектов, добавив в них, например, коллег соответствующего чиновника с тем, чтобы обеспечить коллегиальное решение вопросов о наличии или отсутствии конфликтов интересов, а также о необходимости мероприятий по их устранению (при наличии). Это сделало бы более прозрачными ситуации, связанные (потенциальными) конфликтами интересов и, как следствие, снизило бы число последних.

Заключение

В Российской Федерации в последние годы происходит развитие сетевой экономики. Ее предмет – сетевое благо – становится все более доступным и разнообразным с точки зрения видов, особенностей и функциональности. Сетевое благо широко используется практически везде,

где присутствуют люди – начиная от частного общения в социальных сетях и заканчивая управленческими структурами – государственной и муниципальной службой, вплоть до самых высших эшелонов власти.

Известно, что в последние годы (2019–2024 гг.) в России, с одной стороны, происходило существенное развитие сетевой экономики. Как государство в лице соответствующих органов, так и негосударственные структуры принимают активное участие в ее дальнейшем развитии. Действовала специальная национальная программа (проект) под названием «Цифровая экономика», в рамках которого реализован целый ряд соответствующих мероприятий. На этом фоне мы наблюдаем снижение числа выявленных правонарушений, связанных с конфликтами интересов, со стороны государственных и муниципальных служащих.

Сопоставление и теоретическое осмысление двух данных тенденций показало, что между ними может присутствовать диалектическая взаимосвязь. Потому что, с одной стороны, сетевая экономика и наличие сетевого блага способствуют снижению числа злоупотреблений со стороны чиновников. А с другой – сами же чиновники участвуют не только в самом развитии сетевой экономики, являясь для нее одними из ключевых участников, исполняющих звеньев (акторов), но и направляют такое развитие. Поэтому, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что в современных российских условиях дальнейшее развитие сетевой экономики, дальнейшее развитие и совершенствование сетевых благ может являться одним из факторов снижения числа коррупционных правонарушений, в частности, основанных на конфликтах интересов со стороны гражданских и муниципальных служащих.

Литература

1. Бандурин А.В., Анюров Ф.Ф. Исследование экономических условий и особенностей развития мультигруппы предпринимательских структур и органов власти // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 33–37.
2. Безденежных В.М., Ализаде Д.Ф. Доктрина обеспечения экономической безопасности сетевой экономической системы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 9. С. 3–9.
3. Василенко И.В. Возникновение и развитие сетевой экономики // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 2(23). С. 191–196.
4. Гедагов Т.З. Конфликтологическая компетентность как фактор эффективности профессиональной деятельности государственного служащего // Вестник экспертного совета. 2020. № 4. С. 20–24.
5. Граждан В.Д. Государственная гражданская служба: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 341 с.
6. Гурба В. Н. Управление конфликтами в сфере государственной службы // Государственное и государственное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 167–171.
7. Демина И.Н. Медиатизация экономики: аспекты оптимизации экономических медиакоммуникаций в цифровой среде // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 2. С. 253–269.
8. Дятлов С.А. Искусственный интеллект и ловушки цифровой трансформации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6. С. 30–33.
9. Житяева О.И. Процессы развития цифровизации экономических систем РФ // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 1. С. 19–27.
10. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции / А.Г. Кравченко, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, С.А. Воронцов // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–63. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.6.33458.
11. Карлик А.Е. Организационно-управленческие инновации в обеспечении информационно-сетевой экономики / А.Е. Карлик, В.В. Платонов, С.А. Кречко. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 171 с.

12. Логинова Е.В. Сетевая экономика сквозь призму политэкономического анализа // Вопросы политической экономии. 2015. № 3. С. 77–88.
13. Мицык Г.Ю. Актуальные проблемы урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы // Концепт. 2014. № 11. С. 151–155.
14. Скрипко В.Е., Жиронкин С.А. Тенденции развития сетевой структурной трансформации российской экономики в условиях внешних шоков // Экономика и управление инновациями. 2024. № 1(28). С. 39–47. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-39-47.
15. Смородинская Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7(189). С. 27–33.
16. Стрельцов М.А. Моделирование ценовых инструментов функционирования товарных рынков в условиях глобальной сетевой экономики: дисс. ... кандидата экон. наук : 08.00.05, 08.00.13 . Уфа, 2013. 132 с.
17. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/
18. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12136354/>

DOI: 10.34773/EU.2025.2.21

Роль искусственного интеллекта в управлении деятельностью бизнес-структур^{*}

Role of Artificial Intelligence in Managing the Activities of Business Structures

Ю. СОБОЛЕВА, П. ПАЙЧАДЗЕ

Соболева Юлия Павловна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и поведенческой экономики НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Университет «Синергия»). E-mail: soboleva-yp@mail.ru

Пайчадзе Петр Владимирович, аспирант факультета бизнеса Университета «Синергия». E-mail: p.paichadze@vk.com

Электронная коммерция стала одним из ключевых драйверов глобальной экономики, демонстрируя устойчивый рост даже в условиях кризисов. Однако стремительное развитие отрасли сопровождается рядом вызовов: высокой конкуренцией, динамичным изменением потребительских предпочтений, оптимизацией логистических процессов. В этих условиях искусственный интеллект становится критически важным инструментом для повышения эффективности бизнес-процессов. Исследования по искусственному интеллекту в электронной коммерции остаются фрагментарными, что подтверждает актуальность данной научной работы. Целью данной статьи является анализ роли искусственного интеллекта в оптимизации бизнес-процессов электронной коммерции, выявление ключевых направлений их применения, а также разработка методических рекомендаций по его внедрению в деятельность бизнес-структур. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по интеграции искусственного интеллекта в бизнес-процессы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронная коммерция, управление, бизнес-процессы.

E-commerce has become one of the key drivers of the global economy, demonstrating steady growth even in times of crisis. However, the rapid development of the industry is accompanied by a number of challenges: high

^{*} Ссылка на статью: Соболева Ю.П., Пайчадзе П.В. Роль искусственного интеллекта в управлении деятельностью бизнес-структур // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 2. С. 127–131. DOI: 10.34773/EU.2025.2.21.